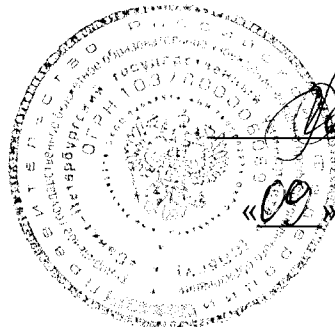

УТВЕРЖДАЮ

И. о. проректора по научной работе
Санкт-Петербургского государственного университета

В.Н. Минина

«09» 06 2015 г.

Отзыв

ведущей организации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет» о диссертации Елены Вячеславовны Арутюновой «Реформы русской орфографии и пунктуации в советское время и постсоветский период: лингвистические и социальные аспекты», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык

Диссертационное сочинение Е.В. Арутюновой представляет собой научное исследование, **актуальность** которого связана с тем обстоятельством, что сегодня необходимость периодической корректировки орфографического и пунктуационного свода ясно осознается филологическим сообществом, поэтому изучение и осмысление опыта предыдущих реформ орфографии и пунктуации чрезвычайно важно для современных кодификаторов.

Научная новизна поставленных и решаемых в диссертации задач обусловлена целым рядом причин. *Во-первых*, тем, что в работе впервые подробно анализируются ход и результаты орфографического строительства за последние полвека; *во-вторых*, тем, что оценке подвергнуты в том числе и экстралингвистические (социальные и политические) факторы, повлиявшие на современное состояние правописной нормы; *в-третьих*, тем, что объектом исследования становятся попытки корректировки не только орфографических, но и пунктуационных правил, изменения в которых ранее оставались на периферии внимания при обсуждении реформ правописания; *в-четвертых*, тем, что в результате проведенных диссертантом изысканий оказались развенчанными некоторые из «филологических мифов», прочно укоренившихся в сознании не только наивных носителей языка, но и ученых-лингвистов. В числе таких мифов можно назвать

представление о государственном узаконении правописного свода, вышедшего в 1956 г.; о стремлении лингвистов основать орфографические новации 1960-х гг. по преимуществу на фонетическом принципе орфографии; о деятельном участии К. И. Чуковского в работе Орфографической комиссии; о полнейшем соответствии положений, развиваемых в популярных справочниках Д.Э. Розенталя, Правилам-1956 и др. Как безусловные открытия можно оценить многие из замечаний диссертанта, сделанных словно бы вскользь, почти на полях работы: так, на с. 66 определен тот исторический этап, начиная с которого «зарождается подозрение, что лингвисты претендуют на узурпацию орфографической власти», а на с. 76 названо имя автора сакраментального сочетания «порча языка» – литературоведа В.Я. Кирпотина, и т. д.

Теоретическая значимость исследования Е.В. Арутюновой не вызывает сомнений, поскольку диссертация вносит значительный вклад в разработку дискуссионных проблем орфографической и пунктуационной нормы современного русского языка.

Практическая значимость диссертации состоит не только в том, что наблюдения и выводы автора могут быть использованы при подготовке сводов орфографических и пунктуационных правил, справочников по современному русскому правописанию, при решении юридических вопросов, связанных с орфографией, при разработке учебников, орфографических минимумов и критериев оценки грамотности для учащихся разных уровней, а также пополнить содержание вузовских курсов «Современный русский язык», «История и теория письма» и т. п., но и в том, что в научный оборот впервые вводятся архивные документы, позволяющие оценить эволюцию лингвистических воззрений многих известных языковедов (в том числе членов президиума АН СССР и Отделения литературы и языка АН СССР, членов Орфографической комиссии 1960-х гг.). Более того, при незначительной переработке сам по себе текст исследования Е. В. Арутюновой может быть опубликован в качестве монографии.

Не только **выводы автора диссертации**, но и сформулированные в Заключение вопросы, решение которых и по сей день представляет главнейшую задачу кодификаторов правописной нормы, основаны на тщательном анализе источников и теоретическом его осмыслении. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, списка сокращений, списка источников (291), списка использованной литературы (184), в число которой входят орфографические словари и интернет-ресурсы.

Положения, выносимые на защиту, находят доказательное обоснование в тексте диссертации, цель – рассмотреть реформы орфографии и пунктуации начала 1960-х гг. и 1990–2000-х гг. как социолингвистический феномен, достигнута, а задачи – решены.

Значимыми для науки являются, на наш взгляд, следующие результаты проведенного исследования: 1. Обсуждение вопросов, связанных с корректировкой правописания, приобретает особенную остроту в те исторические периоды, которые связаны с целым комплексом значительных изменений в общественном устройстве; 2. Одним из наиболее остро дискуссионных на протяжении последнего полувека остается вопрос о возможной вариативности как орфографических, так и пунктуационных норм. Закладываемое еще в школьном курсе русского языка представление о безальтернативной орфографии и пунктуации, которое в современную эпоху к тому же подпитывается стремлением к стабильности «хоть в чем-то», провоцирует широкие круги «просвещенной общественности» на оценку вариантной нормы правописания как своего рода анархической и идеологически вредной; 3. Как показывает проведенный Е.В. Арутюновой сопоставительный анализ результатов орфографического строительства в эпоху 1960-х и 2000-х гг., не вполне справедливо утверждение В.О. Ключевского «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков», ибо учет промахов, допущенных предшественниками, позволил авторам «Правил русской орфографии и пунктуации» 2006 г. внести в правописные нормы ряд существенных изменений, которые, по оценке диссертанта, свидетельствуют о том, *«что реформа (или корректировка) русской орфографии и пунктуации в начале 2000-х гг. произошла»*.

Основные положения и выводы диссертации не вызывают серьезных возражений, которые могли бы каким-то образом отразиться на общей весьма высокой оценке рецензируемой диссертации.

За исключением частных уточнений (так, например, упоминаемая на с. 77 исследования Галина Иосифовна Серебрякова вовсе не «поэт», а прозаик; цитируемую на с. 9-10 работу Александра Ивановича Моисеева, которая была издана в 1995 г., едва ли можно отнести к производимым «сейчас» попыткам «найти новую теоретическую базу» для русской орфографии и т. п.), единственная относительно существенная претензия касается композиции представленного на рецензию текста. Композиция работы в целом удачна, однако немногочисленные повторы, имеющиеся в тексте, позволяют предположить, что более разумным было бы начать Главу I с анализа профессиональных дискуссий по поводу реформы орфографии и пунктуации начала 1960-х гг., сделанного на основе изучения материалов Архива РАН. Такое расположение материала позволило бы автору избежать неоднократных упоминаний о разнице между теоретическими основаниями ЛФШ и МФШ, заранее прояснило бы позицию некоторых ученых (В.В. Виноградова, М.В. Панова, В.Ф. Ивановой и др.) по отношению к отдельным предложениям по корректировке правописного свода и т.п.

Вопрос о различиях между двумя отечественными фонологическими школами – Московской и Щербовской – занимает важное место на страницах диссертации. По мнению Е. В. Арутюновой, расхождения между сторонниками разных школ влияли на отношение участников дискуссий к тем или иным предложениям в ходе реформы. При этом некоторые проблемы соотношения фонологии и орфографии не всегда, по нашему мнению, освещаются достаточно ясно. Ведь различие между «москвичами» и «ленинградцами» заключается не в том, что «москвичи» считают основным принципом русской орфографии «фонематический (фонологический)», а «ленинградцы» – «морфологический», а в том, что они по-разному лишь **называют** один и тот же основной принцип орфографии (для которого, конечно, удобнее название «морфологический»). Это связано с разным пониманием фонемы двумя школами, но никакого отношения к проблемам орфографии не имеет. Именно поэтому между представителями ЛФШ и МФШ при обсуждении предложений по корректировке орфографии никогда не возникает расхождений, обусловленных собственно различиями между фонологическими школами.

Недостаточный учет этого обстоятельства приводит к недоразумениям в интерпретации споров в ходе орфографической дискуссии. Так, отмечая, что две фонологические школы «по-разному понимали соотношение звуковой и письменной форм языка» (что в принципе неверно) и, «соответственно, по-разному определяли принципы русской орфографии и ее возможного реформирования» (с. 145), диссертант утверждает: «Спорным с точки зрения Санкт-Петербургской (Ленинградской) фонологической школы стали антиморфологические написания *о/е* после шипящих (*шолк*, но *шелка*) и *ци* вместо *цы* (*огурци*). Эти нововведения соответствовали Московской фонологической теории и увеличивали количество фонологических написаний» (с. 72), «При составлении свода 1964 г. возобладал “московский” взгляд на орфографию, наиболее ярко проявивший себя в выборе написания *ци*» (с. 146) и т. п. Все эти споры не имеют никакого отношения к различиям между фонологическими школами. На с. 163 говорится: «Несмотря на то что В.В. Виноградов в докладе объявил ведущим морфологический принцип орфографии, комиссия приняла много фонематических решений. Против них возражали “ленинградцы” – В. М. Жирмунский и В. Ф. Иванова. По их мнению, орфография должна быть выстроена на морфологическом принципе, в соответствии с ним и должны проводиться изменения». И далее: «В. М. Жирмунский и В. Ф. Иванова считали, что фонема *ы* существует и, следовательно, она имеет право на буквенное обозначение». Но В.М. Жирмунский и В.Ф. Иванова вступали против не вследствие своей фонологической ориентации, а по другим причинам. Основной принцип орфографии у «москвичей» и «ленинградцев» один, только названия разные!

При чтении этой интересной работы возникает вопрос, который следует воспринимать скорее как пожелание к дальнейшим исследованиям. Это вопрос о том, до какой степени на негативную оценку новаторских предложений, выдвигаемых учеными-лингвистами, влияет то (в наибольшей степени осознаваемое художниками слова) обстоятельство, что за системой письма стоит не просто способ записи речи, но в не меньшей степени также и история, культура и философия народа в целом. Именно поэтому такое сопротивление встречаются, как правило, попытки даже незначительных корректировок национальной графики и орфографии. Ибо хотя целью таких реформ всегда объявляется удобство пишущих и читающих, не будет большим преувеличением сказать, что в реальности за ними всегда скрываются задачи идеологические. С такими задачами связано и создание Кириллом первого славянского алфавита – глаголицы, и замена ее кириллицей в Болгарии, и реформы алфавита и введение гражданского шрифта, проведенные Петром I, и, видимо, реформа русского письма 1917–1918 гг. Более того, в оценке предложений, выдвинутых Орфографической комиссией в 1960-е, не столь уж редко звучат упоминания об эстетической ценности освященных традицией написаний («У русского языка есть звуко-буквенная эстетика» (С. И. Кирсанов), «орфографический образ любого слова... имеет... определенное эстетическое содержание, которое активно воздействует на языковое сознание всех пишущих и читающих» и т. п.). Очевидно, что знаки письменности в этом случае воспринимаются не как носители информации, а, по удачному выражению Ю.В. Кнорозова, — как средство передачи фасцинации. Полагаем, что ответы на этот вопрос требуют самостоятельного изучения, которое, конечно, не входило в число конкретных задач рецензируемого исследования, но которое, хочется думать, будет реализовано автором диссертации.

Впрочем, вопрос об идеологической подоплеке орфографических реформ в диссертации затрагивается. Е.В. Арутюнова особо подчеркивает, что «реформа орфографии и пунктуации 1964 г. была инициирована высшими органами государственной власти для достижения экономических и политических, а не собственно языковых целей» (этот тезис фигурирует как положение № 1, вынесенное на защиту, с. 16). Хотя, на наш взгляд, обосновано это положение недостаточно убедительно: так, на с. 33 уже сказано, что реформа была не «инициирована», а «одобрена» властями, а на с. 41 «инициатором» реформы и вовсе назван А.И. Ефимов.

Положение № 5, вынесенное на защиту, гласит: «В ходе полемики по поводу реформ в обществе выкристаллизовалось отношение к орфографии как к культурной ценности, значительные резкие изменения которой неприемлемы» (с. 17). Подобное отношение к орфографии связано с представлением о сакральности славянского алфавита,

которое зародилось и сформировалось значительно раньше, еще во времена создания славянской письменности, и этому есть множество исторических свидетельств. Видимо, именно такое отношение к письму способствовало провалу реформы начала 60-х гг. Если понимать под реформой действительно **изменение** (а не просто **попытки** реформирования, как полагает Е. В. Арутюнова, с. 3) орфографической **системы** (а не написаний отдельных слов), то в XX в. была только одна реформа – 1917–1918 гг. В сущности, публикация правил орфографии и пунктуации 1956 г. лишь закрепила результаты той реформы, была (после неудачной попытки 1930 г.) ее логическим завершением – может быть, несколько запоздалым вследствие исторических катаклизмов XX века. Видимо, именно этим объективно объясняется провал последующих попыток реформирования, особенно первой из них – 1964 г.: трудно ожидать успеха новой реформы через 5–10 лет после завершения предыдущей. Это подрывает «сакральный» характер письма, что прекрасно почувствовал акад. В.В. Виноградов, который, видимо, понимал, что реформы не будет. Не с этим ли связана его противоречивая деятельность в должности председателя Орфографической комиссии в период обсуждения реформы?

Неожиданное утверждение сделано автором диссертации на с. 11: «в ходе дискуссий по поводу реформы орфографии и ее основных принципов – орфография перестает быть только прикладной областью лингвистики, а становится наукой». А как же работы по теории письма Бодуэна, Л.В. Щербы, Д.Н. Ушакова, В.И. Чернышева, А.Н. Гвоздева и др.? Кажется, наоборот, именно «в ходе дискуссий по поводу реформы» орфография как раздел языкознания становится особенно прикладной! Это ясно хотя бы из того вздора, который, как хорошо показано в диссертации, наговорили в ходе обсуждения реформы 1960-х гг. даже лингвисты. Кстати, огорчительно отсутствие в списке литературы работ В.И. Чернышева, особенно его работы «Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов – реформаторы русского правописания (по материалам архива Академии наук СССР и личным воспоминаниям)» (1947 г.), в которой он подробно описал научные и общественные дискуссии в процессе подготовки реформы начала XX в. и затронул множество проблем, обсуждаемых в диссертации Е.В. Арутюновой.

Сделанные нами замечания носят в основном дискуссионный характер, не умаляя несомненных достоинств работы.

Можно заключить, что диссертация Е.В. Арутюновой представляет собой завершенное фундаментальное исследование хода и результатов орфографических реформ начала 1960-х гг. и 1990–2000-х гг., оцениваемых как социолингвистический феномен. Автор проявил себя как талантливый исследователь одной из сложных и дискуссионных проблем истории и теории русской орфографии, как ученый, обладающий

широкой лингвистической эрудицией, владеющий методами историко-лингвистического, текстологического, источниковедческого анализа.

Результаты диссертационного исследования были изложены на научных конференциях (6), а также в статьях (5), опубликованных в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки. Публикации и автореферат полностью отражают содержание работы.

Диссертация Е.В. Арутюновой является самостоятельной, законченной квалификационной научной работой и полностью соответствует критериям, установленным постановлением Правительством Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842 (пп. 9, 19, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученой степени»), а ее автор без сомнения заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык.

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, членом Орфографической комиссии РАН М.Б. Поповым и старшим преподавателем кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, членом Орфографической комиссии РАН С.В. Друговейко-Должанской.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры русского языка от 09 июня 2015 г., протокол № 89.08/28-04-5

Зав. кафедрой русского языка

проф. М.Б. Попов

Декан

проф. Л.А. Вербицкая

Сведения о ведущей организации:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
Россия, 199 034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Тел. +7 (812) 328-08-42, e-mail: s.bogdanov@spbu.ru. Сайт: <http://phil.spbu.ru/>

Кафедра русского языка СПбГУ, тел. +7 (812) 328-94-25, kafedra.rus@gmail.com

